

Мармеладный мишка купался в тёплом алом свете заката, его розовое прозрачное тельце окрасилось в тонкий золотистый оттенок, создавая захватывающую дух красоту.

Тан Сяотан зачарованно смотрел на прекрасный вид перед собой. Боже правый, это же просто... райское место...

Красивый хозяин живёт в прекрасном райском уголке.

Тан Сяотан дёрнул маленькими ушками и мысленно поставил Цзян Юю лайк. Союзник хоть и не слишком умён, но вкус у него отличный!

[Сы Ханьцзюэ тоже так думал. Он многозначительно похлопал Цзян Юя по плечу.

— Дом выбрал неплохо.]

Он изначально не возлагал больших надежд, так как переезжал в спешке, да и сам стремился лишь к комфорту, но не ожидал, что за такое короткое время Цзян Юй смог справиться с этим делом так умело, и на мгновение испытал лёгкое удивление.

За исключением отдельных непредвиденных ситуаций, профессиональные навыки Цзян Юя действительно были на высшем уровне.

Цзян Юй вздрогнул от редкой похвалы Сы Ханьцзюэ, украдкой взглянул на мармеладного мишку в объятиях босса и увидел, как Тан Сяотан подмигнул ему одним глазом, послав сладкий винг.

Видимо, и боссу, и маленькому духу-конфетке нравится. Цзян Юй, прижав руку к груди, успокоился.

Сы Ханьцзюэ убрал чемодан, поставил хрустальную шкатулку на художественную полку на стене, подошёл к панорамному окну и стал смотреть на пейзаж с высоты.

Безупречно скроенный костюм подчёркивал стройную, аскетичную спину мужчины, линия талии, стянутая ремнём, обладала особой магией, вызывая желание обнять его. Огромные панорамные окна, сверкающие, как хрусталь, были позолочены нежным сиянием заката, очертания Сы Ханьцзюэ растворились в лёгкой дымке по краям.

Он стоял у окна, почти словно готовый войти в море ослепительного пламени.

Тан Сяотан заворожённо смотрел, его маленькое сердечко бешено колотилось.

Зрительное восприятие и ритм взволнованного сердца, словно гроза и пламя, слились воедино. Он поднял маленькую ручку, прижал её к своему сердечку, ясно ощущая его лёгкое и учащённое биение.

Мармеладный мишка крикнул.

Если бы... если бы он был человеком...

Когда хозяин одиноко стоит у окна, молча вглядываясь в пейзаж, конфетка могла бы сзади мягко обнять его, затем поцеловать в щёку и сказать, что конфетка с ним.

Тан Сяотан подумал: если бы я был человеком... был бы человеком, как хорошо было бы...

Сладкий аромат конфетки в подёрнутом лёгкой дымкой вечернем свете пробуждал смутные ощущения. Сы Ханьцзюэ некоторое время смотрел на пейзаж и, повернувшись в сиянии бесчисленных золотых лучей, с улыбкой сказал:

— Неплохо.

Эти слова были обращены к Цзян Юю.

Но в мгновение, когда он обернулся, замирало от восторга сердечко конфетки.

Каждый кадр, каждое мгновение хозяина будоражило единственный эстетический вкус мармеладного мишки.

У конфетки нет эстетического вкуса, эстетический вкус конфетки — это хозяин.

Мышление Тан Сяотана остановилось, в голове зазвучал гул, и из всех пяти чувств осталось лишь зрение.

Весь мир превратился в картину.

В шедевральную картину, где Сы Ханьцзюэ медленно идёт к нему на фоне бескрайнего золотого сияния.

Сегодня тоже день, когда он поглощён очарованием хозяина.

Сы Ханьцзюэ был крайне доволен, щедро ещё раз похвалил Цзян Юя, а затем взглядом дал понять: тебе пора заняться делом о столкновении.

Цзян Юй был сообразительным, ещё раз уточнил у транспортной компании о сроках, и, съёжившись, вышел.

Мармеладный мишка сжал маленький кулачок, подбадривая его: Вперёд!

Цзян Юй ответил взглядом, пробежался глазами по белым трусикам мармеладного мишки, с недоумением нахмурился, слегка помахал рукой: Пока, как будет возможность, спрошу, где ты прячешь конфетки.

Он уже целую неделю подряд видел кошмары, как мармеладный мишка достаёт конфетки из своих трусиков и бежит за ним, чтобы угостить!

Дверь закрылась, и в комнате наконец воцарилась тишина.

Сы Ханьцзюэ снял пиджак, закатал рукава рубашки, обнажив изящную линию запястья, наклонился, вынул из чемодана шкатулку из красного дерева и, держа её, сел на диван.

Тан Сяотан наверху пошевелил ушками, пристально наблюдая за той загадочной шкатулкой.

Шкатулка из красного дерева была старинной женской косметичкой, разделённой на два яруса, на крышке было маленькое потёртое зеркальце. Сы Ханьцзюэ не открывал второй ярус, и Тан Сяотан видел лишь то, что на первом ярусе аккуратно лежало множество старых фотографий.

Сы Ханьцзюэ поднял взгляд, встал, взял мармеладного мишку на руки и, держа его, сел на диван. В тёплом свете угасающего дня он, обняв Тан Сяотана, листал одну за другой те старые

фотографии.

Тан Сяотан широко раскрыл глаза.

— Это моя бабушка, — нежный, как вода, голос Сы Ханьцзюэ тихо рассказывал. — В детстве меня всегда воспитывала бабушка.

На старой фотографии пожилая женщина в ципао, с седыми волосами, убранными в пучок, держала за руку красивого, холодного мальчика и смотрела в объектив с улыбкой. В её доброй улыбке была элегантность и покой, отшлифованные годами, она спокойно смотрела в объектив, и во взгляде её читалась толика сострадания.

Маленький Сы Ханьцзюэ с безразличным выражением лица прижимался к пожилой женщине, крепко сжимая пальцами край её одежды.

Взгляд Тан Сяотана остановился на личике маленького Сы Ханьцзюэ. Почему маленький хозяин выглядел таким несчастным? Конфетке так хотелось протянуть руку и погладить его по щёчке.

Возможно, между ними была телепатическая связь, потому что в голосе Сы Ханьцзюэ слышалась лёгкая гнусавость, и он медленно объяснил:

— В то время родители только что развелись, и никто не хотел меня.

Маленькие бровки Тан Сяотана нахмурились. Он прижался к Сы Ханьцзюэ, и хозяин видел лишь его гладкую большую голову и два торчащих ушка, не замечая, как выражение лица мармеладного мишки постепенно менялось вместе с настроением, звучавшим в его голосе.

Сы Ханьцзюэ долго смотрел на пожилую женщину на фотографии, затем перевернул следующую.

Это был ещё более маленький Сы Ханьцзюэ, стоящий между мужчиной и женщиной, опустив руки, с печальным взглядом, устремлённым в объектив.

Женщина присела на корточки, обняв мальчика чуть выше маленького Сы Ханьцзюэ, мужчина же стоял в шаге от них, задрал голову, с выражением презрения на лице.

Маленький Сы Ханьцзюэ стоял между ними — никому не нужный брошенный ребёнок.

— Это... — Чистые пальцы Сы Ханьцзюэ коснулись женщины слева. — Ладно, я уже не помню.

На той фотографии были два разреза, разделяющие три группы людей, маленький Сы Ханьцзюэ одиноко оставался посередине.

Эти два разреза были криво склеены клеем, на фотографии виднелось размытое водяное пятно, словно какой-то никому не нужный ребёнок, с упрямым лицом, не показывая вида, не мог сдержать слёзы, которые капали, и в то же время старательно пытался склеить разрушенные, искажённые семейные отношения.

Тан Сяотан недовольно опустил уголки губ.

Конфетке так хотелось, так хотелось обнять хозяина.

В тёплом сиянии сумерек Тан Сяотан широко раскрыл круглые глазки и внимательно-

внимательно слушал, как хозяин рассказывает истории тех старых фотографий.

Семья Сы Ханьцзюэ была несчастной. Его мать, Линь Жулань, в возрасте чуть за двадцать вышла замуж за Сы Буфаня, у которого жена умерла от болезни и уже был сын. Вскоре после свадьбы Линь Жулань родила Сы Ханьцзюэ, но, как оказалось, тест ДНК показал, что Сы Ханьцзюэ не был родным сыном его отца.

Взрослые из-за этого события перессорились, Линь Жулань рыдала, устраивала истерики и даже грозилась самоубийством, доказывая свою невиновность, а Сы Буфань схватил младенца в пелёнках и хотел выбросить.

К счастью, старушка остановила.

С тех пор вся материнская любовь Линь Жулань досталась приёмному сыну Сы Чэну, а Сы Ханьцзюэ, словно нелюбимый сирота, жил в семье Сы на правах приживальщика.

Старушка не выдержала и взяла его к себе на воспитание.

Через несколько лет Сы Буфань обнаружил, что Линь Жулань жестоко обращается с Сы Чэном. В гневе он пригрозил Линь Жулань разводом и не дал ей ни гроша.

В итоге Сы Чэн унаследовал всё состояние столетнего рода Сы.

Но Сы Ханьцзюэ был необычайно одарён, и, воспользовавшись небольшими личными сбережениями, которые дала ему бабушка, начал с нуля, став вершиной бизнес-мира, не уступающей роду Сы, а ныне — сильнейшим конкурентом Сы Чэна.

Все потрясения юных лет уже стали безразличны, как вода. Сы Ханьцзюэ задумчиво смотрел на пожелтевшие старые фотографии, пылающий на горизонте закат становился тусклым, как пепел, последние лучи света ложились на фотографию, словно слой матовой глазури.

Голос Сы Ханьцзюэ был лёгким, как перо, щекочущим нежное маленькое сердечко мармеладного мишки, вызывая лёгкую боль.

Тан Сяотан не отрываясь смотрел на старые фотографии, как маленький хозяин из молочного булочки превращался в меланхоличного подростка, а затем из угрюмого подростка постепенно становился хмурым маленьким взрослым.

За исключением младенческого возраста, хозяин, кажется, никогда не улыбался.

Сы Ханьцзюэ больше не говорил, лишь молча листал те фотографии, пока — его палец не остановился на фотографии с восьмилетия.

Это была единственная фотография взрослеющего Сы Ханьцзюэ, на которой он улыбался.

<http://bllate.org/book/15589/1395438>